

Только теперь Спящая красавица умерла.
Людоед до сих пор жив и работает в город-
ском ломбарде оценщиком.

Евгений Шварц «Тень»

Это очень просто. Нужно только ни о чем не думать.

Все будет хорошо. Просто не думать о том, *как* это будет. Нельзя жалеть старуху. Хватит, пожила, пусть теперь даст пожить другим. Конечно, она ни в чем не виновата, но раз уж она оказалась прямо на пути, то и черт с ней. Ждать, когда помрет сама, — некогда. Времени мало, очень мало, совсем нет. Еще чуть-чуть, и она может открыть тайну, и тогда руки будут связаны. Надо успеть управиться.

Успеет!..

В коридоре горели всего две лампы, и пахло цветочным мылом и еще какой-то парфюмерией — старуха наводила красоту. Это она умела. Никто в жизни не дал бы ей ее семьдесят с гаком.

Лето, жара, питерское солнце, ошалев от собственной смелости, плавит асфальт. Упоительно, как бывает только в детстве, пахнет битумом, свежескошенной травой и водой из Невы. Бабушка покупает мороженое. Она всегда покупает мороженого столько, сколько захочешь. Хоть у каждого ларька. Продавщица улыбается, шершавый толстенный вафельный стаканчик увесисто холодит ладонь, и мороженое сверху сразу начинает подтаивать, и его приятно слизывать, и язык становится ванильным и твердым от холода. Бабушка хохочет — она никогда не смеется просто, она всегда хохочет, у нее белые зубы и веселые морщинки вокруг глаз — и поправляет невесомый газовый шарф в стиле пятидесятых, который летит

в невском ветру и питерском солнце как будто сам по себе. А у Исаакия — это всем известно — стоит еще одна тележка с мороженым, и, когда они дойдут до нее, бабушка купит еще, и можно не бояться, что это кончится слишком быстро.

Через минуту, если все пойдет по плану, она умрет.

И зачем только вспомнилось это дурацкое мороженое!..

Она весело прожила все свои семьдесят с гаком, ну и хватит, и все, и не надо думать об этом! Это просто дело, такое же, как все остальные дела. Ну пусть не такое же, но дело, только и всего. Ничего личного. Никаких воспоминаний, и черт с ним, с этим мороженым!..

Все было приготовлено заранее.

Вода плескалась, и старуха что-то пела себе под нос. Ей-то легко — она ничего не поймет и ни о чем не узнает. Ей было легко всю жизнь, и сейчас, в такой ответственный момент, ей тоже легко — почему такая несправедливость!

Дверь не скрипнула, стоило похвалить себя за предусмотрительность. Старуха сидела спиной, пела и любовно намыливала длинную, розовую от горячей воды руку. У нее были прямые плечи, и волосы забраны под цветастую косынку, и на шее не видно никаких морщин. Сознание на минуту сдвинулось и поехало куда-то — может, это и не старуха вовсе? Может, нужно обойти ее и... посмотреть?... Чтобы не ошибиться?

Нет. Смотреть нельзя.

Два тоненьких проводочка вдруг как будто раскалились и теперь жгли ладонь, и не было стаканчика с мороженым, чтобы остудить ее.

Теперь быстрее. Нечего просто так тарашиться.

Ладно. Можно зажмуриться, чтобы не видеть, как это будет.

Проводочки невесомо скользнули по ладони и неслышно, как змеи, стекли в мыльную воду.

Дом как будто вздрогнул, и даже странно было, что ничего не произошло. Даже свет не погас. Пот потек по лицу, и его приходилось слизывать языком, чтобы он не попадал

на губы. Это было противно. К счастью, дверь в ванную, за которой помирала старуха, была уже далеко.

Интересно, это бывает быстро, как в кино, или нужно ждать?

Ладно. Ладно! Об этом нельзя думать.

В кармане были перчатки, которые плохо налезали на потные от страха руки. Нужно осторожно отцепить провод от уличного выхода проводки. Старуха уже давно должна проходить собеседование с архангелом Гавриилом.

Виниловые змейки, утратившие свою силу, показались теперь незначительными и скучными. Они легко наматывались на кулак, только оголенные хвостики были мокрыми. При виде этих мокрых хвостов опять накатила тошнота.

Теперь остается только закончить все, как надо.

В доме было тихо. Свет в коридоре горел, только старуха больше не пела. Пакет с феном лежал на столике, рядом с керамической вазой, которую они, дети, однажды разбили и за которую тогда им очень попало. Вазу кое-как склеили и водрузили на столик. Чтобы поставить в нее цветы, пришлось засовывать внутрь литровую стеклянную банку.

Дверь опять не скрипнула.

Да. В кино все показывают правильно. Старуха была мертва. Платка на волосах уже не было, седые космы плавали в воде, как невиданные отвратительные водоросли цвета перца с солью.

Платок нужно взять с собой. Это совсем лишняя деталь декорации. В кармане от него моментально стало мокро. Фен, вынутый из пакета, тихонько плюхнулся в воду, задев болтающуюся безвольную руку. От шевеления этой руки горло залила кислая рвота. Только этого еще не хватало!

Быстрее вырваться отсюда на волю, на воздух! Проклятая бабка!..

Да, еще пробки.

Белая пуговка с легким шелчком выстрелила в ладонь, и дом рухнул в темноту, как в пропасть.

Ну вот, теперь все в порядке.

Машина стоит совсем с другой стороны. На соседних участках никого нет, но осторожность прежде всего. За кустом смородины знакомая с детства дырка в заборе — через нее вошли, через нее и выйдем.

Все просто, даже проще, чем казалось сначала.

Ну что, бабуля? Как там тебя встретил архангел Гавриил? Куда направил? В рай?

Не может быть, чтобы в рай. В аду тебе самое место. Туда ты и отправилась.

Первый пункт коротенького списка можно считать выполненным. Осталось всего два.

Оказывается, убить — это так просто.

Он не хотел подслушивать, но сидел так, что слышал каждое слово.

— ...я больше не хочу, правда! Я специально позвонила, я только что с работы, устала как собака, а ты опять поддаешь, да еще с какими-то бабами!

— Ну с какими бабами, ты что? Да я даже не знаю, как ее зовут, честное слово! Это Витек с ней пришел...

— Какой еще Витек, никакого Витька нет, ты бы хоть врал как-нибудь поумнее! Я разве не вижу?! Сколько ты уже высосал своего пива?! Бочку?!

— Насть, ну правда, ну послушай меня, я понятия не имею, что это за баба...

— Однако она у тебя на коленях сидела, когда я подошла!

— Ну что ты выдумываешь-то, Насть!

— Слушай, хватит, а? Все, я уезжаю домой и не хочу больше ничего слушать! Я тебя специально просила, а ты!..

— Ну давай я с тобой поеду, что ты, ей-богу! Вечно ты начинаешь...

— Это не я начинаю, это ты начинаешь, хотя я миллион раз...

— Ну давай, давай я поеду, только мне надо выкупаться.

— Хорошо, купайся, я подожду.

— Пойдем к ним, неприлично же. Что ты меня, как маленького, отчитываешь! Давай садись, а я искупаюсь. Где ты припарковалась?

— Нигде. У моста.

Зажигая сигарету, Кирилл искоса глянул на ссорящуюся парочку, и все стало ясно.

Она была обыкновенная — короткое полотняное платье, туфли без каблука, гладкие волосы, очки и необъятный портфель, который она судорожно прижимала к боку. Он — высокий, широкоплечий, рельефный атлет с лицом, красным от смеси пива, унижения и желания оправдаться.

Он хватал ее за руки и за ремень портфеля, а она отпрыгнула от него, увязая в песке офисными туфлями, и отцепляла от себя его руки.

«Ребята», в непосредственной близости от которых разыгрывалась милая семейная сцена, деликатно смотрели в другую сторону, а лежащая на полотенце девица, такая же рельефная и фигуристая, наоборот, смотрела пристально и усмехалась со злорадным превосходством.

Ну все, парень, решил Кирилл. Ты пропал. Что ж ты жопу с титьками на колени посадил, когда должны были приехать портфель с очками? Или от пива развезло совсем?

Девушке в очках он сочувствовал не слишком.

Ему все стало понятно с первого взгляда, и он не верил, что кому-то что-то может быть непонятно.

Ты просила его провести вечер вместе, а он ушел от тебя на пляж с «ребятами», грудастой макакой и ящиком пива. Каждому свое. Вместо того чтобы выкрикивать какие-то бессмысленные угрозы, и вырывать руку, и разъяренно сверкать на макаку очками, а потом все же тащиться за своим Аполлоном к «ребятам», и делать вид, что ничего не произошло, и бодро закуривать предложенную сигарету, и старательно не смотреть на совершенное загорелое тело в двух веревочках — где-то в районе бюста и где-то в районе бедер, — и игнори-

ровать победительную улыбку, и покорно выжидать, когда Аполлон все же соизволит пойти с тобой — а может ведь и не соизволить! — вот вместо всего этого взяла бы ты свой портфельчик, села бы в свою машину, припаркованную у моста, да и поехала домой, телевизор смотреть и на диване валяться.

Кирилл Костромин не признавал запутанных отношений и не верил, что раны можно лечить путем постоянного ковыряния в них.

Впрочем, это совсем не его дело.

Ему нечем было заняться этим вечером в Питере, и он даже жалел, что принял от партнера приглашение на шашлыки. Завтра до обеда он проваляется в отеле, если только ему не взбрдет в голову какая-нибудь пионерская фантазия, вроде, например, посещения колоннады на Исаакиевском соборе или прогулки по Летнему саду. К трем его ждут на даче, полдня и полночи придется попеременно пить, есть и париться в только что возведенной партнером баньке, которой хозяин гордился ничуть не меньше, чем Монферран своим бессмертным творением.

К полудню субботы Кирилл Костромин проснется с чужунной башкой и отвратительным настроением, которое всегда наступает у него назавтра после попойки, и — в Москву, в Москву!

Хорошо еще, если проснется в своем отеле, а не на чужом диване в обществе чего-то вроде той макаки с веревочками в районе бюста.

Тугой теплый ветер бросил в щеку песок. Кирилл открыл глаза. Мимо, сверкая розовыми поросячьими пятками и вздымая чистый песок, прошлепал щекастый бутуз в панаме и с ведром на буксире. Кириллу стало смешно. Он проводил бутуза глазами и снова зажмурился, подставляя ветру лицо.

Нева плескалась у ног, норовила залезть в ботинки, но ему лень было подняться и переставить их подальше. Город шумел на том берегу, а казалось, что далеко-далеко. В небе сияло два солнца — привычное и гигантский золоченый

купол Исаакия. Нева пахла водой и свежестью, а вовсе не бензином, как изнемогающие московские сточные каналы, гордо именующиеся реками. От нагретого серого камня Трубецкого бастиона несло ровным теплом, и Кирилл даже слегка недоумевал, почему никогда раньше ему не приходило в голову просто посидеть на пляже у Петропавловской крепости.

Он заехал сюда случайно — среди дня вдруг кончились дела, и он понял, что не знает, куда деться до вечера. Хотелось есть, но на Невском негде было поставить машину. Он долго ехал, потом куда-то повернул, попал на Большую Морскую с односторонним движением, выискивая место для парковки, не нашел, и в конце концов его вынесло на Дворцовый мост. За мостом была стоянка, но не было ресторана — по крайней мере в зоне видимости, — и он пошел к Петропавловской крепости, осеняющей огромное знойное небо золотыми крыльями летящего ангела.

Пивнушку под зеленым тентом с шаткими пластмассовыми столами и стульями он обошел стороной и развеселился, осознав собственную осторожную брезгливость.

Эк тебя угораздило, господин Кирилл Костромин!

Не подходит тебе пивнушка. Брезгуешь.

А столовку для дальнобойщиков в городе Мелитополе забыл? Как ты там борщ наворачивал и какие-то немислимые котлеты, хорошо, если из бумаги, а не из навоза, не помнишь? А как автостопом в Крым ехал и там с голодухи по темноте рылся в помойке за кафешкой с шикарным названием «Чайка», отыскивая съестное? Как грузчиком нанимался в овощной ларек и таскал из ящиков желтые, вонючие толстокожие огурцы, больше похожие на мелкие дыни? Как яблоки воровал из колхозного сада, тоже, конечно, не помнишь?

И лет-то с тех пор прошло всего ничего — вовсе не сорок и не пятьдесят, а только десять.

— ...поставь меня сейчас же, я сказала! Отстань! Отцепись! Прекрати сию минуту! Ну!..

Очевидно, поединок очкастого портфеля в полотняном платье с бронзовым Аполлоном разгорелся с новой силой. Кирилл нехотя открыл глаза и посмотрел в ту сторону.

Аполлон легко, как в кино, тащил ее в Неву, вместе с очками и портфелем, а она молотила по нему бледными кулачками и злилась, кажется, по-настоящему. Блондинка перевернулась на бочок, подперла щеку и наблюдала с интересом.

Все правильно. Никуда ехать с тобой он не собирается. Он совершенно уверен, что ты просто ломаешься, в тебе разыгралась женская дурь, сейчас он тебя развеселит, пощекочет, потреплет, нальет пива, и ты успокоишься, повеселеешь и станешь такой же, как они, — «нормальной девчонкой».

Вот скука.

Кирилл дернул рукой, чтобы часы съехали на запястье. Он просидел на этом пляже два с половиной часа — надо же! Когда в последний раз он вот так — ни на что — тратил драгоценное время?

Все-таки нужно найти ресторан и поесть наконец. Или ничего не выдумывать и вернуться в свой «Рэдиссон»? Там он еще ни разу не ужинал.

Он поднялся и стряхнул песок с безупречных светлых брюк. Солнце убралось за Петропавловскую крепость, и в небе сиял теперь только Исаакий, и набережная шумела машинами, и Дворцовый мост парил над Невой, и чайка, распластавшись над темной водой, высматривала добычу.

Кирилл любил Питер с тех самых пор, как в первый раз, лет в восемнадцать, приехал сюда автостопом и болтался в толпе нестриженных хиппи в кафе «Сайгон» на углу Владимирского проспекта. Там его подцепило золотоволосое растение женского пола, которое звали Луна. У Луны были длинные, почти белые волосы, зеленые русалочьи глаза, вечная сигаретка в розовых губах сердечком, родинка на правом плече и совершенно определенное представление о том, как именно следует переделать жизнь, чтобы она стала простой и прекрасной. От роду Луне было шестнадцать

лет, и она ушла из дома в коммуны как раз для того, чтобы начать переделывать эту жизнь по-своему.

Тогда их представление о переустройстве мира заключалось в курении марихуаны, пении странных песен, вплетении в лунные волосы разноцветных шерстяных ниток, старательном — с высунутым от усердия языком — вырезании на джинсах удивительных фигур, полосочек, звездочек и кружочков, на низывании бус и в бурном шестнадцатилетнем сексе на тощих матрасах, наваленных прямо на полу жутких коммунальных квартир.

Потом за Луну явился папа в сопровождении милиции, и Кириллу Костромину тогда чуть было не пришел конец.

Как это он выбрался из всего этого?

Самое странное, что нынешний «Рэдиссон», в котором Кирилл останавливался, привычно не замечая его богатого благолепия, как раз заменил собой тот самый знаменитый «Сайгон», как нынешний Кирилл Костромин заменил того, кто резал джинсы, заплетал косы и потел на древней вате бугристых матрасов.

Он обулся на щекотной, ровно подстриженной траве и еще обошел крепость, влез по шаткой лестничке на Трубецкой бастион, откуда открывалась «Невская панорама», как это именовалось на плакате над кассой. «Невская панорама» предлагалась за десять рублей. Детям и пенсионерам — скидка.

Все-таки турецкоподданный Остап Бендер-Бей был большой молодец. Скольким ребятам он благородно указал путь отъема денежных средств в рамках Уголовного кодекса! Ему бы не в Одессе памятник, а у каждой «Невской панорамы» по памятнику поставить, это было бы справедливо.

Кирилл спустился по другой лестничке и побрел к своей машине в толпе громогласных немецких туристов, которых неизвестно зачем принесло на ночь глядя в Петропавловскую крепость.

Машина, оставленная на солнце, раскалилась, как забытый на плите чайник. До руля нельзя дотронуться, кресла исходили

синтетическим жаром, и страшно было даже подумать, что придется опустить себя в огненную обивку — жерло вулкана.

Он запустил двигатель, включил кондиционер, оставив стекло открытым, а сам предусмотрительно остался снаружи — покурить.

И тут он снова ее увидел. Ту самую, что в очках, с портфелем и Аполлоном.

Она сидела в двух шагах от него, в старенькой «Хонде», которая хрюкала, плевалась и не заводилась. В машине она была одна, Аполлона поблизости не наблюдалось. Очевидно, эту партию он выиграл и остался допивать пиво на пляже с «ребятами» и макакой.

С каждым поворотом ключа «Хонда» хрюкала все слабее и слабее, а девица все крутила и крутила стартер, приближая безвременный конец своей машины.

Да и черт с ней. Не станет же он вмешиваться. Это совершенно не его дело. И девица ему не понравилась еще на пляже. Кирилл не любил, когда позволяют вытирать о себя ноги, а она позволяла, да еще публично.

Он посмотрел на свою сигарету. От курева есть захотелось еще больше.

— Девушка, — сказал он, рассматривая сигарету, — у вас аккумулятор сел. Когда в последний раз вы выключали фары?

Она мрачно взглянула на него, дернула головой и с ожесточением повернула ключ зажигания. «Хонда» прощально кашлянула и затихла. Было совершенно ясно, что навсегда.

— Ч-черт, — сморщившись, выговорила девица, — черт, черт, черт.

Кирилл докурил свою сигарету и бросил окурочек в урну.

— Я ее теперь ни за что не заведу, — сказала девица, обращаясь к рулю своей страдальницы-машины, — она «автомат». Конечно, фары. Я их вечно забываю. И сейчас забыла.

— Поздравляю вас.

— Спасибо, — неожиданно ответила она, выскочила и задрала капот. Некоторое время молча рассматривала мотор, а потом обратилась к Кириллу: — У вас есть «крокодилы»?

Кириллу не хотелось с ней возиться. Конечно, у него были «крокодилы», но проще было сказать, что нет.

Однако сказать он ничего не успел.

— Пожалуйста, — попросила девица, моментально став смирной, — если можно, пожалуйста. У меня сегодня день такой. Ужасный.

— Ну да, — согласился Кирилл и пошел к своей машине.

Конечно, он не может просто так взять и уехать. Раз уж вообще с ней заговорил. Придется быть благородным до конца.

Он погрузился в кондиционированную прохладу салона и с наслаждением подышал, выгоняя из легких жару и сухость. Льняная рубашка липла к спине, и он с неудовольствием подумал, что даже не знает, нет ли на ней мокрых разводов. Плохо выглядеть Кирилл Костромин не любил.

Он повернул ключ — мотор заурчал сыто и почти неслышно, — вырулил из-за «Хонды», встал во второй ряд и включил аварийную сигнализацию. Девица из-за задранного капота наблюдала за его перемещениями с настороженным интересом.

— Я думала, что вы уезжаете, — сказала она, когда он вылез.

— Я раздумал в самый последний момент, — сообщил он и открыл багажник. В багажнике был идеальный порядок, чистота и красота, как в номере «Рэдиссона».

— Ничего себе, — протянула девица за его плечом.

Он с неудовольствием оглянулся и чуть не задел носом ее очки.

— Как это у вас получается? — спросила она и поправила очки. — Я имею в виду порядок.

— Само собой как-то, — буркнул Кирилл и достал из кожаного мешочка сверкающие «крокодилы». — Вы умеете их цеплять?

Девушка посмотрела на «крокодилы» и перевела взгляд на него. Глаза у нее были зеленые и очень печальные, как у спаниеля, потерявшего хозяина.

Впрочем, так оно и было. Хозяин хоть и не потерялся, но остался на пляже, а спаниель понуро потрусил домой.

— Умеете?

— Конечно, — сказала она и улыбнулась, — сто раз цепляла. Я же говорю, что все время забываю фары выключать.

— Ну и напрасно. — Ему не хотелось с ней любезничать. — Давайте побыстрее, мне нужно ехать.

Она поняла все правильно и больше с ним не заговаривала.

Старушка-машина завелась со второго раза, и Кирилл отцепил «крокодилы».

— Спасибо, — сказала девушка, передавая ему вторую пару блестящих железок, — большое вам спасибо. Вы меня очень выручили. Мне не хотелось здесь... задерживаться.

Ну конечно. А вдруг твой Аполлон с Аполлоншей возжелали бы немедленно уединиться в «уютном гнездышке», а тут посреди дороги ты со своим аккумулятором! Что бы ты тогда стала самой себе врать, чтобы в следующий раз опять тащиться за ним и делать вид, что все нормально и ничего *такого* не происходит?

— Вы из Москвы, да? — спросила она, посмотрев на номера его машины.

— Да.

Кирилл захлопнул багажник и сел за руль.

— До свидания.

— Подождите, — вдруг быстро сказала девушка, и он посмотрел с удивлением и недовольством, — не уезжайте. Я понимаю, что это, конечно, неприлично, но все-таки... Вы ведь не поедете в свою Москву прямо сейчас, правда?

— Не поеду. — Теперь он смотрел на нее во все глаза.

— Конечно, не поедете. Уже полдевятого. Выпейте со мной кофе. У меня, правда, очень плохой день. Просто ужас-

ный. А впереди еще целый вечер, и мне совсем некуда пойти. И не с кем. Вы только не подумайте ничего такого...

— Все такое я уже подумал.

Она заправила за ухо волосы, которые и так были стиснуты заколкой туго-туго.

— Сегодня похоронили мою бабушку, — сказала она тихо. — Я ее очень люблю. Она необыкновенная. И умерла так... неожиданно. Только ради бога, пожалуйста, не думайте, что я душевнобольная или проститутка. Если вам совсем не хочется, я от вас отстану.

— Поедем на моей машине, — сказал Кирилл Костромин, отказываясь верить тому, что это говорит он. — Вашей я не доверяю. Вы знаете, где здесь можно поесть?

— В переулке за Кунсткамерой есть хороший ресторан. Туда ехать всего ничего. И спасибо вам большое.

— Ничего не спасибо, — сказал он с досадой, — просто я очень голоден.

— Я поеду на своей машине, — торопливо сказала она, боясь, что он передумает, — а вы за мной. Это очень близко. За мостом сразу направо и еще раз направо.

Кирилл кивнул и сдал назад, освобождая ей место для выезда.

Куда его несет? Свободное время всегда как будто проделывает дыры в его мозгах, и все здравые мысли улечиваются через эти дыры. Она ведь ему даже не нравится, не говоря уж о том, что он совсем ничего о ней не знает, кроме того, что у нее имеется древняя машина, Аполлон и она все время оставляет включенными фары.

Ну и что, спросил тот самый Кирилл Костромин, который был когда-то хиппи. Ничего же не происходит. Ну, поужинаешь ты с ней. Самые большие потери, которые могут быть, — это то, что тебе придется заплатить за ее ужин. Ничего, переживешь, не пообедаешь. А так сидел бы весь вечер один, как сыч или древний дед, тарашился на веселых людей

и курил одну сигарету за другой. Хорошо хоть в «Рэдиссоне» проститутки не липнут.

Под светофором он немного растерялся. Нужно было перестроиться в крайний правый ряд, а он, незнакомый с питерским движением, обнаружил это только в самый последний момент.

Старушка-«Хонда» ласточкой перелетела перекресток, а Кирилл застрял. «Хонда» скрылась из виду, и он вдруг расстроился от того, что потерял ее.

Придется тебе все-таки сидеть одному в углу, ох, придется, сказал ему тот самый Кирилл, что был когда-то хиппи. Впрочем, кажется, именно об этом ты мечтал пять минут назад и ничего не хотел так сильно, как чтобы тебя оставили в покое.

Он осторожно двинул машину, стараясь выскочить с перекрестка первым, и, как только зажглась зеленая стрелка, вылетел вперед. Старенькая «Хонда» поджидала его за поворотом набережной. Из-за светофора ему не было ее видно.

Личико у сидящей за рулем девицы было мрачным и отрешенным, как у колдуньи из американской сказки, и Костромин в первую секунду удивился — неужто так переживает из-за того, что он отстал от нее?

Ах да, вспомнил он тут же. Бабушка умерла. И Аполлон загулял на пляже.

— Я уж решила, что вы передумали, — сказала девушка, когда он притормозил рядом. — Следующий поворот направо, и можно парковаться.

Ресторан был вполне фешенебельным — с плиточным полом, тонированными стеклами и кондиционером. Все как надо. Туристы в белых брюках и просторных рубашках сидели за столиками на мостовой, но девица решительно прошествовала внутрь. Кстати, он даже не знал, как ее зовут.

— Да, — сказал он в худенькую льняную спину, — меня зовут Кирилл Костромин. Можно Андреевич, а можно просто Кирилл. Только на «вы».

Попрошу не фамильярничать, вот что это означало. Мне с тобой не по пути.

— А я Настя. Анастасия Сотникова. — Она оглянулась, блеснув ему в лицо очками и заученной неискренней улыбкой. — У меня даже визитка есть. Сейчас, одну минуточку.

Он хотел сказать, что ему вовсе не нужна ее визитка, но она уже ожесточенно рылась в недрах своего портфеля, а из прохладной глубины зала к ним шел роскошный метрдотель, затмевавший своим сиянием всех известных Кириллу Костромину метрдотелей.

— Добрый вечер, — интимным тоном сказал он, подходя. — Столик на двоих или будут еще гости?

— На двоих, — ответил Кирилл и не глядя взял протянутую ему визитку.

— Тогда проходите сюда, пожалуйста.

Неуловимым движением он отодвинул стул для Анастасии Сотниковой, зажег свечу в пузатом бокале, выложил неведомо откуда две роскошно переплетенные карты, и все это почти одновременно.

— Аперитив? — спросил он потом, слегка — впрочем, весьма умеренно — наклоняясь над Кириллом.

— Минеральную воду, — сказал Кирилл брюзгливо, — холодную газированную. А вы, госпожа Сотникова?

— То же самое, — ответила она с улыбкой, явно пытаясь смягчить его грубость, хотя у этого метрдотеля на лбу было написано, что ему наплевать на всю человеческую грубость вообще и на Кириллову в частности. — Только с лимоном, пожалуйста. А есть я буду салат «Цезарь» и розовую форель. Попробуйте, Кирилл Андреевич. Здесь очень вкусно готовят рыбу.

— Хорошо, — в карту Кирилл даже не посмотрел, — пусть будет форель и «Цезарь». Только не через три часа, а побыстрее, если можно.

— Конечно, конечно, — как из шланга поливая их избытком любезности, уверил метрдотель, — напитки?

— Мы уже заказали, — произнес Кирилл с нажимом, — минеральную воду. Вы забыли?

— Нет-нет. — Метрдотель поисточал еще немного любезности и отошел, как будто растворился в воздухе или его засосал кондиционер.

— Вам не нравится этот ресторан? — помолчав, спросила Анастасия Сотникова.

— Ресторан как ресторан, — ответил Кирилл, — а что?

Она пожала плечами:

— Просто вы как-то странно разговариваете.

— Почему странно?

— Как будто вам все очень не нравится.

Не предложив ей, он прикурил свой «Парламент» и ничего не ответил. Он всегда разговаривал с прислугой таким тоном — в ресторанах, отелях, спортклубах и самолетах. Он старательно воспитывал себя так, чтобы не замечать в них людей, и искренне считал это хорошим тоном.

— Я, наверное, нарушила все ваши планы? — заискивающе спросила девица. — Вы на меня злитесь?

— Уважаемая Анастасия Сотникова, — сказал Кирилл надменно, — не надо ничего выдумывать. Если бы у меня были планы, я бы никуда с вами не поехал.

— А я думала, что вы меня пожалели, — пробормотала она, и щеки у нее покраснели. — У вас было очень выразительное лицо. Там, на пляже.

Он был совершенно уверен, что на пляже она ничего вокруг не видела, кроме своего Аполлона и грудастой блондинки.

— Каждый выбирает по себе... — Глядя на дым от своей сигареты, он любезно перечислил: — Женщину, религию, дорогу...

— ...дьяволу служить или пророку. Знаю, знаю!.. Только при чем здесь это? Вы не можете с одного взгляда установить, правильно я выбрала или неправильно! — перебила она нетерпеливо, и он искренне изумился, впервые за этот вечер. А может, даже за неделю. Или за год.

Мало кто помнил или знал эти стихи. Почти никто. «Поколение пепси» никаких таких стихов знать не могло.

— Ну вот, — сказал он удивленно, — вы, оказывается, даже книжки читаете.

— То есть вас удивляет, что я не дура, — констатировала Анастасия Сотникова.

Кирилл хотел сказать, что ему нет никакого дела до ее умственных способностей, и вместо этого ответил:

— Ну, на пляже вы выглядели полной идиоткой.

— Я знаю, — печально согласилась она, чего он никак не ожидал. — Но я же вам сказала, что у меня сегодня очень плохой день. Бабушку хоронили. У меня была потрясающая бабушка, и сегодня ее похоронили, а я даже на поминки не пошла, потому что у меня совсем нет сил сидеть там среди чужих людей, выслушивать всю эту поминальную ахиною, и...

Кирилл перепугался, что она сейчас заплачет и ему придется ее утешать. Еще не хватало — ужинать в ресторане с незнакомой девицей, убитой горем, и выслушивать ее откровения о своей горькой судьбе! Однако она быстро справилась с собой. Выудила из гигантского портфеля пачку сигарет и то-ропливо закурила. Ему понравилось, что она не вытащила сигарету из его пачки.

— Мне очень нужно было, чтобы кто-нибудь сегодня со мной побыл, и вот что из этого получилось. Вы же видели...

— Видел, — согласился Кирилл, — только можно я не буду вам сочувствовать?

— Можно, — сказала она и, приподняв очки, быстро вытерла под ними, — какие-то сигареты дурацкие. Очень едкий дым.

— Поддельные, наверное.

— Наверное.

Возле их столика материализовался черно-белый официант, бесшумно поставил на скатерть запотевшие пузатенькие бутылочки с водой, переливающиеся чистотой стаканы и плоскую тарелочку с лимоном. Бутылочка интеллигентно

выдохнула газ, вода с приятным шелестом полилась в стеклянное нутро стакана.

Кирилл Костромин в очередной раз почувствовал прилив истовой любви к своим деньгам, которые позволяли ему в любое время получать все это — приветливых слуг, дорогую еду, прохладу среди знойного города, французскую бутылочку с искрящейся водой.

Слишком долго и, казалось, безнадежно у него ничего этого не было.

— Расскажите мне про вашу бабушку, — попросил он благодушно. — Она вас растила?

— Нет. Для этого она была слишком независимой. Она никого из нас не растила.

— Из кого — из вас?

— Из внуков. Внуков трое. Двое племянников. У меня уйма родственников.

— У меня тоже, — сказал Кирилл и тут же пожалел об этом.

Он не хотел говорить о своих родственниках. Ему всегда было стыдно о них говорить. Зачем он вообще про них вспомнил?!

— А бабушка у вас есть?

— Нет, — ответил он неприязненно, — она давно умерла. Я ее почти не помню.

Конечно, он ее помнил.

Артритные руки, разбухшие от воды и огорода, цветастая кофтенка, одна на все времена, бедные волосы, зачесанные коричневым гребешком, запах хлорки и козьего навоза, толстые икры в нитяных коричневых чулках. Бабушка.

— Бабушка всех нас очень любила, — продолжала Анастасия, глядя в свою тарелку, — но всю жизнь не слишком возилась с детьми. Дед занимал всякие большие должности, у них всегда была домработница и няня, и, даже когда деда посадили, она как-то так умудрялась устраиваться, бытовые проблемы ее никогда не касались. Дети были сами по себе, а она сама по себе. Мой папа и тетя Нина, его

сестра. Хотя блокаду она пережила. Не знаю, как ей это удалось...

— От чего она умерла? Сердце?

Его бабушка умерла от инсульта.

Было очень жаркое лето. Солнце вставало, как будто в желтой дымке — под Москвой горели леса. Крохотный прудик за деревней пересох, дно растрескалось, как будто пыталось вывернуться наизнанку, спасаясь от безжалостного непривычного солнца. Бабушка целыми днями была в огороде — все горело, нужно было поливать. Так и умерла, уткнувшись носом в огуречную грядку, в лопушистые шершавые листья, которые она спасала.

«Отмучилась», — равнодушно сказала соседка Клавдия Степановна.

— Нет, — произнесла Анастасия Сотникова таким странным тоном, что Кирилл посмотрел на нее с удивлением, — не сердце. Несчастный случай.

Почему-то он решил, что несчастный случай может быть только на дороге.

— Она водила машину?!

— Водила. Всегда. Она жила в Петергофе, там деду когда-то дали дачу, и она туда переехала после того, как он умер. Она даже на прошлой неделе приезжала ко мне на машине. Только она умерла вовсе не из-за машины.

Кирилл даже представить себе не мог бабушку, которая водит машину. Что же это за бабушка такая?!

— Она принимала ванну и уронила в воду фен. Короткое замыкание, и... все. Несчастный случай.

Бабушка принимала ванну? Уронила фен?!

— Сколько ей лет, вашей бабушке? Двадцать восемь?

— Нет, — наконец-то она улыбнулась по-настоящему, открыв ровные белые зубы, — семьдесят три. А почему вы так удивились?

Он удивился, так как в его представление о жизни никак не укладывалось, что бабушка может водить машину и укла-

дывать волосы феном. Бабушка должна солить огурцы, полоть малину, варить картошку и на ночь расчесывать жидкие седые косы пластмассовой гребенкой.

Фен тут совсем ни при чем.

— Я до сих пор не могу осознать, что ее нет, понимаете? Мне кажется, что это невозможно. Почему ее нет? Я же на прошлой неделе с ней встречалась, мы пили кофе на Невском, в «Идеальной чашке», болтали три часа. Я ей рассказывала про Киру, и у нее было такое же лицо, как у вас на пляже. Я вас потому и заметила, что вы смотрели в точности как моя бабушка. — Она опять улыбнулась. — Кира — это тот мой приятель. Вы его видели. Его зовут как вас — Кирилл. Только почему-то все называют его Кирой.

Кирилл Костромин с неуместной поспешностью схватился за сигареты.

Господи, это еще откуда?! Это мерзкое, глупое, женское имя Кира, которым его потчевали все детство и всю юность?! Он слышать его не мог. Он его ненавидел. И даже был уверен, что все его беды от этого дикого имени.

«Сегодня Кира дежурный по кухне!» — бодрым голосом объявляла утром мать.

«Кира, почему по математике опять тройка?» — строго спрашивал отец.

«А Кирка в лагерь не хочет! — наперебой кричали братья прямо ему в лицо и валились от хохота на продавленный диван. — Кира — дура, Кира — дура!»

И эта «дура», гораздо более оскорбительная, чем «дурак», всю жизнь помнилась ему так, что от ненависти и безысходности сводило затылок.

— ...попробуйте, Кирилл Андреевич. Это вкусно.

Оказывается, принесли еду. Салат лежал на сказочной красоты тарелке хрусткой аппетитной горкой, и ничего этого не было — ни продавленного дивана, ни братьев, ни Киры-дуры.

Вокруг был Питер, лето, чистые скатерти, столовое сере-

бро — другая жизнь. Сытая, привычная, удобно устроенная. Его собственная.

— Бросьте вы его к черту, — сказал он хрипло, — это же кретину ясно — ничего у вас с ним не выйдет. Ну зачем вы приехали на этот пляж? Компанию повеселить? Продемонстрировать собственную дурость? Всем наглядно показать, что «она любила его, а он любил родину»? Кира! Надо же такое придумать!

Вилка звякнула о фарфор.

— Я, кажется, не просила у вас совета, — произнесла Анастасия Сотникова отчетливо, — большое спасибо, что вы приняли мое приглашение, но это совершенно не означает, что вы можете говорить мне гадости.

— Да никакие это не гадости, — досадуя на себя, заявил Кирилл, — все гадости вам уже сказали на пляже. Вернее, показали. А вообще говоря, вы правы. Это не мое дело. Прошу прощения. Наверное, это у меня от безделья. Я сегодня полдня не работал.

Она моментально уцепилась за спасательный круг и увела разговор — выбралась на безопасное мелководье, за что Кирилл был ей благодарен.

— Кстати, что у вас за работа, Кирилл Андреевич? Вы ведь здесь в командировке?

— Работа как работа, ничего романтического.

— И все-таки?

— И все-таки совсем ничего романтического. У меня фирма. Называется «Строймастер». Это разное оборудование для строительства.

— Мне кажется, я слышала, — сказала Анастасия задумчиво, — вы филиал в Питере не открываете?

— Уже открыли. — Он улыбнулся. — Вчера. Вы не слышали, вы в газете прочитали.

— Да. Точно. Это ведь большая фирма «Строймастер», — она как будто удивилась, — по-моему, даже в «Новостях» показывали. Огромный склад где-то по дороге в Гатчину. Это ваш?

— Наш.

— Вы производите или только продаете?

На этом месте Кирилл Костромин засмеялся. Искренне и с удовольствием.

Настя посмотрела внимательно — и вправду почти хохочет.

Такой надутый, важный, щекастенький — и хохочет?!

— Это вы о том, что производства стоят, а весь бизнес занимается спекуляцией, уважаемая госпожа Сотникова? Там продал, здесь купил, а отечественный производитель в... — он чуть было не сказал «в заднице», но вспомнил, что он большой бизнесмен, на ужине с незнакомой дамой, и воздержался, — в сложном положении?

— Ну конечно, — ответила она, недоумевая, что его так развеселило, — в газетах только об этом и пишут.

— Мой вам совет, — сказал он, продолжая игру в «большого бизнесмена», — не читайте за завтраком большевистских газет. Вредно для душевного здоровья.

— Но ведь это правда!

— Да кто вам сказал?! Или вы на каком-нибудь отечественном производстве подвизаетесь?

— Нет, но...

— Вот именно, что нет. Нет никакого отечественного производства и не было никогда.

— Как не было? СССР — одна шестая часть суши, индустриальная держава, еще в тридцатые годы...

— Я ничего не знаю про тридцатые годы. Зато про восьмидесятые помню хорошо. А вы не помните? Мелкий частичек в томате и треугольные пакеты с молоком по два в одни руки? Пальтишки из шинельного сукна? Фарцовщики у магазина «Березка»? Продуктовые заказы по ветеранским карточкам ваша блокадная бабушка не получала? Раз в полгода — на Девятое мая и на Седьмое ноября?

— При чем здесь это?

— При том, уважаемая госпожа Сотникова, что даже одной шестой части суши ни за каким хреном не нужны оборон-

ные заводы по три в каждом городе. А других у нас отродясь не бывало. Правда, у вас в Питере имелся завод резиновых изделий «Треугольник». Но он и сейчас в большом почете, работает себе. Так что я никаких стенаний про российского производителя не понимаю. Я не знаю никаких российских производителей. «Красный Октябрь», что ли? Так он процветает. И остальные все, кто не танки делал или пулеметы, работают потихоньку и зарабатывают даже.

— У вас странная точка зрения.

— У меня нормальная точка зрения. Пройдет время, появится все, что нужно, — ткацкие фабрики, пекарни, свечные заводики какие-нибудь. Их и сейчас уже полно. Может, и до автомобилей дойдет.

— А у вас где производство?

— В Пензенской области, — сказал Кирилл, вдруг осознав, что совершенно неожиданно и не к месту распалился, — мы делаем щетки и кисти. Я же вам говорил, ничего романтического.

— Вы как будто оправдываетесь. — Настя посмотрела испытующе. Он собрался было возразить, но не стал.

Что это его так понесло? В высокие рассуждения о производстве ударился, да еще от романтики старательно отказывался, как будто заранее ее предупреждал, что надежды на него в этом смысле нет никакой, хотя она вовсе не проявляла к нему интереса — смотрела в тарелку, ковыряла салат, печалилась о своей необыкновенной бабушке.

Этот ее Кира во всем виноват. С него все началось.

— Доедайте, и поедем, — распорядился он, — одиннадцатый час.

— Да, — как будто спохватилась она, — неужели так поздно?

Доедать она не стала, и Кирилл, привычно расстроившись из-за брошенной еды, которую придется теперь выкинуть в помойку, попросил счет. У него с детства было очень трепетное отношение к еде.

Когда она стала совать ему деньги, он опять развеселился.

— Я вполне платежеспособен, — сказал он, глядя на нее с насмешливым превосходством. — Кажется, мы уже установили, что с моим отечественным производством как раз все в порядке. Или вы член американской лиги за равноправие женщин?

— Я не член лиги, — пробормотала она. Ему вполне удалось ее смутить. — Просто это я вас пригласила. Навязалась, можно сказать.

— Можно и так сказать, — согласился он, получая удовольствие от ее смущения и своего превосходства, — только заплачу все же я.

Он был хорош — самоуверен, снисходителен, любезен и загадочен. Самому себе он нравился. Он как бы со стороны заслуженно гордился собой — вот каким ты стал, Кирилл Костромин, вот как ты всему научился. Какая там «Кира-дура»!

Только немного странно было, с чего это он так старается — девица была совсем не в его вкусе.

Он шел за ней к машине, рассматривая ее полотняную прямую спину и стянутые в короткий хвост неопределенно-темного цвета волосы, и думал, что, пожалуй, провел вечер совсем неплохо.

Напрасно он так думал.

Уехать им не удалось. Ее машина не заводилась. Не помогли ни всемогущие «крокодилы», ни длительное совместное рассматривание чахлого мотора старушки-«Хонды». Ковыряться в нем Кирилл не стал бы даже под угрозой расстрела.

Хватит. Наковырялся в дикие дальнобойщицкие времена.

— Придется вам ее здесь оставить. — Ему до смерти хотелось в свой отель — выпить коньяку в лобби-баре, еще покурить в прохладе и покое огромного холла, подняться в свой номер и лечь спать. — Завтра вызовете какой-нибудь эвакуатор.

— Конечно, — согласилась Настя, и он понял, что она непременно заплачет, как только он отвернется. Впрочем, это были не его проблемы. — Конечно, так я и сделаю.

«Это не мои проблемы», — так говорил один его давний начальник. У него Кирилл Костромин учился жить и работать — бороться и перегрызать чужие глотки. «Это не мои проблемы», — сказал он однажды Кириллу, когда тот не уследил за кем-то из водителей, и через две минуты Кирилл Костромин стал безработным.

— Ну, давайте я вас отвезу, — внезапно предложил он, сердясь на себя, — если уж в этом городе не существует такси!

— Нет-нет, — сказала Анастасия Сотникова и все-таки шмыгнула носом. Глаза за стеклами очков у нее как будто увеличились и задрожали. — Спасибо вам большое, только возить меня никуда не надо! Я еду в Петергоф, в бабушкин дом. Это далеко, за городом, и вам совсем не по дороге. Я... доберусь как-нибудь. Спасибо вам большое, Кирилл Андреевич.

— В какой еще Петергоф! — сказал он злобно. — У вас же с машиной проблемы. Езжайте домой, не выдумывайте.

— Домой я не поеду, — ответила она твердо и зачем-то полезла в свой портфель. Она то и дело ныряла в него с головой, как в омут. — Спасибо за ужин, Кирилл Андреевич.

И выудила из портфеля носовой платок.

Рыдать собралась, понял Кирилл.

— Давайте я довезу вас до дому, — сказал он, нажимая на слово «дом», — конец света еще впереди. Это не конец света.

— Конец, — пробормотала она голосом придушенной мыши. Очевидно, ей стоило больших усилий держать себя в руках. — Домой я не могу ехать. Там... Кира. Я не могу его видеть.

— Черт бы вас побрал.

Он сунул руки в карманы — хотя много лет отучал себя от этой привычки — и еще постоял немного возле ее машины, погрузившейся в летаргический сон, и своей, вполне благополучной. Деваться ему было некуда.

— Хорошо, — сказал он, покорившись, — я довезу вас до этого вашего Петергофа. Только без разговоров. Садитесь, и поедem. Быстро.

— Не надо, что вы, Кирилл Андреевич!..